

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

«БЕЛАЯ ЛИЛИЯ» НА
ЧЕРНОМ БЕРЕГУ

Часть сборника: Настоящая фантастика – 2017 (сборник)

Николай Немытов

**«Белая лилия»
на черном берегу**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Немытов Н. В.

«Белая лилия» на черном берегу / Н. В. Немытов —
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-97996-7

«Она стоит на валуне, раскинув руки, смеясь от восторга.— Ах, Константин Викторович! Смотрите, какое море! Яркий солнечный свет наполняет пространство синих небес и превращает волны то в громады бутылочного стекла, то в изумрудные горы. Шпагин улыбается, любясь спутницей. Соленые брызги летят в лицо... Брызги в лицо...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97996-7

© Немытов Н. В., 2017
© Эксмо, 2017

Николай Немытов

«Белая лилия» на черном берегу

Она стоит на валуне, раскинув руки, смеясь от восторга.

– Ах, Константин Викторович! Смотрите, какое море!

Яркий солнечный свет наполняет пространство синих небес и превращает волны то в громады бутылочного стекла, то в изумрудные горы. Шпагин улыбается, любясь спутницей. Соленые брызги летят в лицо... Брызги в лицо...

* * *

Кто-то трясет за плечо.

– Шпагин, черт бы вас побрал! – ротмистр Тенишев кричит, приблизившись вплотную. – Не свалитесь, господин полковник!

Ночь. Ветер кидает в лицо снег, замечает дорогу. Черные ветви колышутся над головой, норовя зацепить. Склон так крут, что крыши домов оказываются едва ли не под ногами.

Люди задыхаются от ветра, который, кажется, срывает слова с губ и уносит вместе со снегом.

– Все нормально! – отвечает полковник, оглядывается – рядом с ротмистром солдат Серегин – совсем мальчишка.

– Где Алимка? – спрашивает Шпагин.

– Пошел вперед! Разведать дорогу!

Вряд ли в такую ночь кто-то поджидает их в засаде. Вообще, вряд ли кто-то знает, что они здесь, на Черном берегу.

Впереди грохнуло. Существо – в этой пустыне еще что-то обитает! – стуча когтями по камням, бросилось прочь, толкнув Серегина. Тот не удержался – длинная не по росту шинель постоянно путается в ногах, – упал на обочину в снег.

– Господи! – вскрикивает солдат.

Ротмистр скребет озябшими пальцами по кобуре: где же эта чертова застежка?

Полковник останавливает его руку:

– Спокойно.

Поздно суетиться. Что бы это ни было, оно уже убежало.

Деревья клонятся под порывами ветра, словно плакальщицы в черном над белым сава-ном земли. На тропе четкий силуэт. Сразу не поймешь, человек или зверь – неуклюжее существо, высоко поднимая ноги, бредет сквозь снег.

– Эт я. Алимка.

Коренастый татарин в кудлатой шапке подходит к Шпагину.

– Что там? – спрашивает полковник.

– Не ругай, Шпагин. Волк.

– Может, собака, – ворчит недовольно ротмистр, дыша на замерзшие руки – помогал Серегину подняться и окунул пальцы в колющий снег. – Они сейчас не меньше волков оголодали. И озверели.

– Запах, ы, – ответил татарин. – Собака, ы, съели. А это – волк. Точий софсем.

– Нашел «Белую лилию»? – спросил полковник Шпагин.

– Тут рядом, – татарин махнул вдоль дороги. – Ближ к морю.

Дачный поселок. Будто кладбище с разоренными склепами. Кому-то посчастливилось умереть до зимы – жареный виноградный жмых или горький миндаль – последняя трапеза. От отчаянья.

Кто-то еще умирает. Медленно, но верно. Без надежды просыпаясь каждое утро. Ветер нет-нет, да дыхнет дымком. Живут, словно тараканы по щелям, дорубывая сады, которые по весне могли бы прокормить, но жить надо сейчас. Зачем-то надо.

– Суда! Суда, ы!

Алимка зовет за собой. Калитки нет, металлические решетки забора выломаны. Среди белых наносов снега черные пеньки. Запах дыма гуще.

– Теперь можно, Серегин, – говорит ротмистр Тенишев.

– Что?

– Бога помянуть. Дошли.

Солдат стянул казачий капюшон перекреститься, но ротмистр толкнул его в плечо:

– Куда! Церковь там, – он ткнул пальцем во тьму. – А там Красноармейск, провалиться ему.

– Прекратить, – одернул его полковник Шпагин. – Приготовить оружие.

Притаились у стен дома. Белый камень увит плющом, рамы выбиты, и проемы заколочены кровельным железом. Вот лист на окне отошел, показалась кудлатая голова – ловкий татарин пролезет в любую щель.

– Эт я. Алимка. Идем, ы.

Дверь когда-то была выбита, поставлена на место, но неумелыми руками. Полковник потянул за металлическую скобу, которой заменили вырванную ручку, – Шпагин успел увернуться. Верхняя петля отошла, и Серегина, стоящего рядом, едва не пришибло – экий нескладный, невезучий солдатик. В недрах дома мелькнул тусклый свет – человек в светлом костюме поспешил им на помощь, и следом из тьмы вынырнул татарин.

– Держите! Держите!

Алимка удержал створку, пока весь отряд не вошел внутрь, потом все вместе закрывали, сопротивляясь ветру. Мужчина в костюме – видимо, нынешний хозяин виллы – встал стальной прут в замочные петли.

– Вот так лучше, – заверил он.

Гости отряхнулись, откашлялись с морозного ветра.

– Добрый вечер, господа, – произнес хозяин.

– Назовитесь, – потребовал Шпагин.

– О, да-да! Да, да, да... – Незнакомец поправил пенсне, огладил костюм и с поклоном представился: – Федосов Ипполит Сергеевич. Служил... – Ипполит Сергеевич пробубнил что-то невнятное и продолжил: – Впрочем, оставим оную формальность. Да-да! Теперь я вроде как директор приюта имени... Пуф, – он надул щеки, – «Красных коммунаров». Бывшая вилла «Белая лилия».

В свете, падающем из соседней комнаты, хозяин виллы выглядел щеголем: светлый в полоску костюм, сшитый из парусины с шезлонгов, а на ногах настоящие туфли – левый связан той же парусиной, чтобы не раскрывал «рот». Грязная борода, всклокоченные волосы и чудом уцелевшее пенсне.

Щелкнуло – ротмистр взвел курок нагана.

– О да! – спохватился Федосов. – Здесь кроме меня... Впрочем, пройдемте. Поверьте, господа, вам ничто не угрожает.

Он направился к комнате, коснулся занавеси рукой.

– Прошу вас.

– Стоять! – приказал ротмистр.

Ипполит Сергеевич вздрогнул.

Позади полковника тенью возник Алимка.

– Дом совсем пустой, ы, – прошептал он. – Большой и пустой. Засада нигде нет, ы.

– Я... Я же говорил, – робко произнес хозяин виллы.

Они вошли в комнату. Окно заложено камнем, железная печурка – отсветы огня из открытой топки пляшут по стенам и потолку, рядом грудой ломаные ветви и мебель – дрова.

– Как тепло, – Серегин вздохнул.

Хозяин быстро закрыл за ними дверь и завесил ее мешковиной.

– Прошу, господа, располагайтесь, – указал на пол, на груды тряпья.

На одной из куч сидела тощая растрепанная женщина в драном пальто с чужого плеча, подпоясанном веревкой. Обувь ей заменяли обмотки с кровельным железом вместо подошв.

– Батюшки светы! – пробормотала она при виде военных. – Зеленые!

– Тихо, Екатерина Мироновна, – Федосов поспешил к ней. – Спокойно. Это хорошие люди, уверяю вас.

Екатерина Мироновна заерзала, спрятала за спину плетеную корзину, что стояла у ног. В корзине что-то звякнуло.

В темном углу у стены стояли дощатые нары в два яруса. Акимка котом проскользнул к ним, заглянул под залатанные одеяла.

– Ы, – оскалился татарин. – Семеро детишков.

– Ого, – удивился полковник.

В приюте может быть и больше детей. Если приют находится не на Черном берегу, где свирепствует голод, холод и дети порой становятся желанной добычей... нелюдей. Слухи о людоедстве здесь привычное дело.

– Да-да. Вы правы, – кивнул Ипполит Сергеевич. – Потому я назвал приют именем «Красных коммунаров». Раз в неделю приходит телега... – Воспитатель снял пенсне, принялся протирать его замусоленным платочком. – Привозят не много, но... Это дети, понимаете? То, что сейчас происходит. Что творится...

– Успокойтесь, – остановил его Шпагин. Он очень устал. – Давайте о деле.

– Да-да, о деле.

Шпагин с воспитателем взглянули на женщину в рваном пальто. Говорить при постороннем...

– Я давно знаю Екатерину Мироновну. Соседка, – прошептал Ипполит Сергеевич, приблизившись к полковнику. – Она порядочный человек, но обстоятельства порой сильнее нас. Она несет вино в степь. Ну, понимаете...

Полковник с товарищами прекрасно знали, куда идет женщина и что звенит в ее корзине. Ходоки на перевалах не редкость. Новая власть нанимала людей на работы и расплачивалась вином – единственной валютой, которой на Черном берегу в избытке. Многие работники шли через горы в степь, чтобы обменять заработанное на зерно или муку. Даже пронизывающий ветер и снег не останавливали людей. Какая разница, где умереть: дома или в дороге? Голод гнал пуще хлыста, и если оставалась мизерная толика надежды на возвращение с желанным грузом, то надо идти. Пусть в пути тебя ограбят бандиты, встретят зеленые, остановят красные, нападут изголодавшие за зиму волки... Случаются дела и похуже волков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.